

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

КОРОТКАЯ
РОКИРОВКА

Борис Васильев

Короткая рокировка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Короткая рокировка / Б. Васильев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Короткая рокировка» Почти классический сюжет: молодая девушка приезжает из провинции, где у нее осталась мама и сестры, в большой город. Поступает в университет, а в свободное время подрабатывает на почте сортировщицей писем. Судьба сводит ее с врачом, в которого она влюбляется. Она пишет маме письма: о своей учебе, о любимом, о том, как она счастлива. И тут все рушится, свадьба отменяется. Героиня теряет все: университет, работу, здоровье. Но продолжает писать маме, что у нее все замечательно.

И мама решает приехать к дочери в гости. Здесь в книге начинается самое интересное.

© Васильев Б.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Борис Васильев

Короткая рокировка

Лет двадцать назад, бывая на почте, за стеклянным барьером я часто видел хрупкую худенькую женщину. Руки ее всегда были заняты, глаза безостановочно скользили по строчкам бланков и квитанций, и я никогда не видел ее лица. Только ссутуленную спину, выглядевшую щемяще беззащитно, да нежную, длинную и тоже странно беззащитную шею. Я не знал, как ее зовут, да, признаться, и не стремился узнать, но когда она вдруг исчезла, испытал состояние неопределенной тревоги и почему-то столь же неопределенной вины...

Отца Дина помнила смутно. Помнила запах машинного масла и колени, на которых так уютно было засыпать. И еще ей рассказывали, что отец очень любил ловить рыбу, пока сам не попал на крючок. А жили они тогда в Перми.

– Ни в чем он не был виноват, доченька, – горестно вздыхала мама. – Доверчивым был, вот на него все и свалили. И засудили на семь лет как материально ответственного.

Семью поднимала мама. Она работала швеей-мотористкой, денег не хватало, и по ночам мама шила фартуки. И упрямо тащила своих трех девочек, как крестьянская лошаденка тащит нагруженный воз. И Дина до боли, до слез любила маму, старалась помогать и училась изо всех сил.

В школе ей больше всего нравилась историчка Алина Михайловна и – история. Настолько, что она твердо решила после школы идти на исторический и непременно в МГУ, хотя это означало, что маму вместе с сестрами придется временно оставить. Но девочки были уже большими, золотая медаль оказалась вполне достижимой, и Дина отправила документы. Мама не препятствовала, хоть и плакала потихоньку, а Алина Михайловна похвалила за целеустремленность. Правда, Дина лишь спустя время узнала, что Алина Михайловна навестила маму и с глазу на глаз посоветовала не отпускать дочь в Москву.

– Провалится, думаете? А сами хвалили. Усердная, мол.

– Усердная, – согласилась учительница. – И очень способная. Но главное, глубокая она девочка. Глубокая натура.

Мама не очень поняла, что значит «глубокая натура», но догадалась, что дочку хвалят. И обрадовалась:

– Так это ж хорошо, что глубокая. Меньше глупостей наделает.

– Глупостей она натворит столько же, сколько и все девочки, а вот переживать свои глупости будет не как все. Тяжело переживать будет, а вы – далеко. Ей бы годочка два рядом с вами пожить.

– Ничего, – вздохнула мама, подумав. – Надо самой свою жизнь устраивать, я так считаю. Пусть едет, может, там замуж выйдет. В столице мужчины культурные.

Все было решено, и Дина помчалась в Москву, имея с собой три платья, пару туфель, связанную мамой кофточку и совсем еще модную юбку. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... Ах, как весело стучат колеса, когда тебе восемнадцать!

Однако сшитые мамой платьица и даже почти модная юбка в МГУ смотрелись как-то странно, что поначалу давало много поводов для слез. Но Дина не была бы Диной, если бы не сделала своего вывода. Не усредненно-девичьего, а своего, личного. Она сочиняла стихи, организовывала вечера, никогда не отказывалась от каких бы то ни было поручений, весело ездила на картошку и в стройотряды, и вскоре ее дружно избрали редактором стенгазеты. Но Дине этого было недостаточно: промучившись месяца три, она в совершенстве постигла технику современных танцев. И на все ее хватало, и ее веселый смех слышал весь университет. Но мало кто знал, что Дина давно урезала свой и без того короткий сон, устроившись на почту

разбирать утреннюю корреспонденцию. Заработок был невелик, но этим Дина обеспечивала не только себя, но и раз в два-три месяца умудрялась отправлять посылки в далекий город детства.

Вот каким путем Дина добилась победы в вековой девичьей схватке за первый ряд. Это требовало величайшей организованности, поскольку приходилось сочетать почту и университет, общественные нагрузки и любимые танцы. И Дина сочетала, не теряя веселой уверенности в себе.

Вероятно, все было правильно: к третьему курсу четверо (и среди них один аспирант, между прочим) объяснились в любви, но Дина любить еще не умела: ей еще предстояло открыть, что любовь состоит не только из смеха и радостей. Она пребывала в состоянии влюбленности и веселилась вовсю, затмевая девчонок на танцульках.

Но все на свете имеет начало и конец, и у Дины эти концы и начала оказались связанными с падением. Отработав свое время на почте, она по первому морозцу бежала на лекции и поскользнулась. И, несмотря на природную грациозность и отточенную танцами ловкость, грохнулась так, что осталась сидеть на тротуаре, глядя, как распухает щиколотка.

– Дина?

Это был сын Полины Андреевны, заведующей отделом доставки на ее почте. Кажется, его звали Володей и учился он в МАИ...

– Здесь больно? А так?

– Так – ой.

– Немедленно к врачу, тут рядом поликлиника. Ребята, ну-ка помогите.

Остановил трех эфиопов, спешивших в университет. Вчетвером они легко подхватили Дину, отнесли в ближайшую поликлинику.

– Такие ноги надо беречь, – ворчливо заметил врач.

Он был молод, очень серьезен, в словах не чувствовалось пошлости, и Дина начала краснеть. Доктор оказал помощь и велел обождать. А через час вызвал такси, отвез в общежитие и довел до комнаты.

– Я приду через три дня. Ногу постарайтесь не беспокоить.

– Подождите, ведь я должна за такси...

– Ничего вы не должны. Врач обязан доставлять больного, у нас есть специальная статья расходов.

Дина прекрасно понимала, что никакой статьи нет, но молчала, потому что ей стало удивительно хорошо. И доктор молча топтался у дверей, потому что знал, что она это понимает, и смущался. А потом сказал неожиданно:

– Значит, завтра. В четыре.

И вышел. А она глядела в потолок и улыбалась, пока не пришла соседка по комнате. И Дина немедленно рассказала, какой доктор замечательный, как он смущается, какой он серьезный и наверняка очень талантливый.

Доктор... Пора уже назвать его, как его вскоре начала называть Дина. Так вот, доктор Боря ходил каждый день, сам делал компрессы и массаж, но говорил мало, и Дина трещала за двоих. Болтала, потому что смущалась, ощущая, что все глубже утопает в не очень еще ясном для нее чувстве, а доктор молчал по той же причине. Но когда нога окончательно поправилась, вздохнул.

– Ну вот. Я вам больше не нужен.

– Почему? – Дина покраснела и тут же продолжила: – Я думаю... То есть мне кажется, что одной вечером мне ходить нельзя. Например, в кино.

Он улыбнулся, словно осветившись изнутри.

– В шесть часов можете?

На другой день они пошли в кино на какую-то дребедень, но Дине все тогда нравилось. Она с удовольствием заговорила о фильме, но тут же ощутила несогласие за его вежливыми поддакиваниями. Через сутки они опять попали на ерунду и опять по ее выбору, и на этот раз Дина решила промолчать. А доктор Боря улыбнулся и спокойно объяснил, что существует кинематограф развлечения и кинематограф искусства и что на пустые киношки не стоит тратить времени. И Дина, слушая его неторопливую и очень убедительную речь, с восхищением думала, какой же он умница и какая же она счастливица.

– А вообще лучше всего музыка, – сказал он. – На той неделе пойдем в консерваторию.

Тут Дина немного струхнула: она ни разу не была в консерватории, предпочитая самоутверждаться под грохот современных дисков. Но доктор Боря поступил весьма тактично, начав с того, что было, так сказать, на слуху: с Первого концерта и Четвертой симфонии Чайковского. И Дина сидела как замороженная и глотала слезы, и в тот вечер душа ее распахнулась.

– Музыка – единственный вид искусства, который делает человека благороднее, потому что музыка лишена сомнений, – говорил он после концерта. – Вперед без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья...

Кажется, в этот миг они впервые поцеловались, и этот поцелуй вызвал в Дине целую бурю. Ей случалось целоваться, но никогда еще поцелуй не творил с нею ничего подобного. Она оглохла и ослепла, она слышала только один голос и видела только одного человека, и тянулась, вся тянулась и льнула к нему, и если бы он сейчас взял ее за руку и повел, она бы пошла за ним на край света.

Но он уже не мог взять ее за руку и увести. Знал, что она покорно пойдет за ним, но воспользоваться этим даже не пытался, потому что опоздал. Дина понравилась ему сразу, он имел опыт общения с девушками, но эта вела себя так, что он с каждым днем все больше боялся ее обидеть. А когда она сама потянулась к нему, он вдруг понял, – что влюбился. Незаметно и словно бы нехотя влюбился впервые в жизни и уже не мог, не имел права взять за руку и увести туда, где они окажутся наедине. И вместо этого сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.